

каким образом в Константинополе должны были встретить Петра. Тут явились сначала толпища Вальтера Неимущего, собранные Петром; это были люди особой закваски, среди которых их апостол считался святым, а об участии Папы, быть может, никто ничего и не знал. Если они и слыхали, что Урбан напутствовал пилигримов своим благословением, то тем не менее перед их телесными и духовными очами носился живой образ Пустынника: они провозглашали его славу; он, по их убеждению, возбудил весь мир, и по отношению к своему современному миру они были совершенно правы. Ими была подготовлена Византия, когда этот прославленный герой явился туда с новыми многочисленными толпами: император потребовал его к себе, узнал, что он из Палестины, а имел ли он видение о том, не могло быть много и речи; Пустынник подтвердил, что он проповедовал во всех землях; о Папе не говорится ни слова – да и к чему, если, быть может, Петр никогда и не видал его, и если он верил, что его миссия происходит из более высшего источника, нежели каким был оратор Клермонского собора (Урбан II).

Но обратимся к положительным данным, которые могли побудить нас к подобному отрицанию, обратимся к историческим источникам, которые могли бы внушить нам доверие к Петру и его деятельности. Если мы откроем, что исторические писатели того времени и в особенности те, которые жили ближе к его родине, молчат и не приписывают ему славы виновника Крестовых походов, то в таком случае одно это молчание укажет нам на характер господствующего рассказа и на необходимость другой точки отправления. Что же оказывается? Кроме трех вышеупомянутых источников (Альберт Ахенский, Вильгельм Тирский и Анна Комнина), нет ни одного, который жил бы в ту эпоху и в той местно-

сти (около Амьеня) и, занимаясь простым изложением событий, знал бы что-нибудь о Петре, посланнике Божиим, предтече Папы, возбудившем весь Запад. Северные французы говорят о нем как о проповеднике толпы, подобно тому, как они говорят о Готпальке, Фолькмаре и Эмико. Немцы, англичане и итальянцы не говорят о нем вовсе и едва только упоминают в числе предводителей первых толпищ. Вся его роль в первом Крестовом походе ограничивается следующим: один раз выступает он на сцену действующим лицом, именно при переговорах с Кербогой (под Антиохией), а другой раз является беглецом из лагеря вместе со многими другими, и историки при первом случае не отзываются о нем с особой похвалой и даже не выражают упрека во втором случае. Сам Радульф, нормандский писатель (или Рауль Канский), упоминая в первый раз о Петре, далеко не является его почитателем, а при втором случае забывает назвать его имя вместе с прочими. Есть некоторые известия о его смерти, а именно, что он умер в Гюи, в монастыре, освоенном им же самим по своем возвращении; более ни слова: но как же мог бы его соотечественник и современник сообщить это известие в такой форме, если бы рассказ Альберта имел под собой хотя в чем-нибудь историческую почву? Между тем ничего, решительно ничего не сказано по поводу его смерти. Вся эта легенда сообщает нам не факт, но служит только доказательством, какой силой обладало воображение мечтателей той эпохи. То направление, которое господствовало целых 100 лет в кельях отшельников, старалось овладеть всем Крестовым походом и потому поставило во главе его не Папу, но Пустынника.

Geschichte des ersten Kreuzzuges. Düsseldorf.
1841, с. 236–242.